

Дмитрий Парамонов

ЛЕГЕНДЫ ПРИОЗЁРНОГО ЛЕСА

6+

Дмитрий Парамонов
Легенды Приозёрного леса

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Парамонов Д.

Легенды Приозёрного леса / Д. Парамонов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В мире, скрытом от наших глаз за густыми лесами, живут странные зверьки. Они умеют строить дома, готовить, читать, писать и, конечно же, говорить. В тех краях не бывает зимы, но местный народец вовсе не стремится узнать, что такое снег, и что скрывается за высокими горами. Только нашим героям не сидится дома. Они мечтают о приключениях и подвигах. Но готовы ли они к тому, что их мечты осуществляться? Конечно, нет! Как не могут быть готовы родители к тому, что их дети пойдут прогуляться по лесу и исчезнут на бесконечно долгие полгода. Сколько опасностей подстерегают героев на их трудном пути? Сколько новых друзей готовы прийти им на помощь в трудную минуту? Что должно произойти, чтобы тяга к приключениям сменилась нестерпимой тоской по дому? Об этом, и не только, вы узнаете, прочитав эту книгу...

Содержание

Глава 4. Пещерный страж	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Парамонов

Легенды Приозёрного леса

Пролог

Далеко на востоке, где зелёное море лесов сменяется зеркальными блюдами озёр и извилистыми лентами рек, за забытой и затерянной в бесконечном пространстве Мангазеей сохранилась земля, на которую ещё не ступала нога человека. Космический спутник сколько ни шарил по этим краям своим объективом, не нашёл там ничего примечательного. Да и что он мог увидеть? Для него Приозёрный лес – это просто лес. А Великое озеро – всего лишь одно из сотен озёр, простирающихся до самого Северного Ледовитого океана.

Не были интересны ему и местные обитатели. Вот, к примеру, мелк. Что в нём такого любопытного? Один только раз оптический глаз спутника заметил в разрывах крон деревьев странного зверька, определил его как обычного зайца и сразу перевёлся на что-то более стоящее. Между прочим, если б мелка кто-то обозвал зайцем, он бы непременно обиделся. Мелк – отнюдь не бессловесный заяц! Они умеют писать, читать, говорить. У них длинные гибкие пальцы на передних лапах, а ходят мелки преимущественно на двух задних. Их светло-коричневая шёрстка блестит на солнце и переливается перламутром. И ещё у мелков есть необычное свойство: когда они улыбаются, их глаза меняют цвет и становятся голубыми, а когда грустят – серыми. Если же мелков напугать, от страха их глаза темнеют почти до черноты. От далёкого звериного прошлого у них остались длинные уши и пушистый хвост, который, кстати, несколько не мешает им вести хозяйство, строить дома и мастерить мебель.

Надо сказать, что мелки – не единственные представители маленького звериного народца. В этих краях также обитают гоки, вали, норки и другие симпатичные существа, похожие друг на друга и разные одновременно. Все они незаметно для людей живут в своём тайном мире, о котором вы никогда бы не узнали, если б не эта книга...

Глава 1. Приозёрный лес

В то утро разнеженное солнце не спешило покинуть свою колыбель в горах. Нехотя оно вынырнуло из тёплого пушистого облака. Его лучи пробились сквозь высокие кроны деревьев, раскрасив яркими оттенками зелёного цвета тенистую ложину и заросшую густой травой крышу небольшого уютного домика. Папаша Мелк говорил, что со дня постройки дома минуло столько лет, сколько шерстинок наберётся в кисточке его хвоста. Мелки уже давно не покрывают крыши дёрном. Гораздо проще сходить к озеру и нарвать камыша, чем неделями таскать клочки грязной травы со всей округи. Но папаша Мелк был верен традициям и выложил крышу аккуратными зелёными лоскутками. Он строил дом основательно и не торопясь, полировал и подгонял брёвна, выкладывал каменной плиткой пол террасы, вырезал из красного дерева наличники. Покрытая дёрном крыша с каждым годом становилась всё более похожей на лужайку. Весной на ней расцветали голубыми крапинками медуницы. Летом кровлю покрывали россыпи земляники.

Давным-давно, на заре своей зрелой жизни, не сказав ни слова родителям, папаша Мелк вышел из дома, собрал в тачку все свои вещи и стал толкать её по тропинке в гору. Он уже давно присмотрел уютную полянку, зелёным блинчиком выступающую на крутом залесённом склоне. Для местного народца место находилось далековато от берега озера, но именно отсюда открывался вид на весь Приозёрный лес. Первое, что смастерил папаша Мелк на этой полянке, был стол. Почему-то он решил, что новую жизнь надо начинать именно с него. В дальнейшем его не покидало ощущение, что всё остальное строительство было затеяно только для

того, чтобы окружить стол стенами, предметами интерьера и возвести над ним крышу. В один прекрасный день папаша Мелк осознал, что размер стола совершенно не соответствует его холостяцкому образу жизни. Спустя пару месяцев напротив приземистого хозяйского стула появился ещё один – резной, с изысканными узорами. Для двух стульев стол тоже оказался слишком большим, и следом за стулом мамыши Мелк один за другим вокруг стола выстроились четыре детских.

Солнечный луч, пробившись сквозь листву, отразился в умывальнике, пробрался в открытое окошко детской комнаты и запрыгал по стене. В четырёх кроватках, завернувшись в одеяла, сладко сопели зверьки. Ветер, ворвавшийся сюда с солнечным зайчиком, сорвал со стены рисунок и уложил листок прямо на помятую ото сна мордочку малыша Колки. Тот вздрогнул, открыл глаза, сбросил рисунок и, растопырив мохнатые пальцы, с наслаждением потянулся.

Глянув на спящих братьев, Колки прицелился и метнул подушку в холмик на соседней кровати. Тотчас из-под одеяла вынырнул братец Коль. Ни секунды не раздумывая, он издал боевой клич и метнул две подушки в близнецов, занимавших дальние кровати. Пока те, проснувшись, протирали глаза, Колки прыгнул в окно, скользнул по канату вниз и спустя мгновение оказался на лужайке перед домом. Следом вылетел Коль, чудом избежав взбучки от рассерженных спросонья братьев...

Мелки нырнули в лес, скатились по крутому склону и выбрались на тропку, ведущую к реке Бешенке. Дорожка бежала вниз, игриво петляя между деревьями. Братья спустились к реке и помчались вдоль берега наперегонки с бурлящим потоком. Добежав до любимого валуна, бархатного на ощупь от наросших лишайников, запыхавшиеся мелки вскарабкались на него и стали любоваться рекой. Они заворожённо смотрели, как вода с разгону врезалась в скалу и не в силах сдвинуть её с места бесилась, взметая клочья пены...

К слову сказать, братья были похожи как две капли воды. Если бы не светлая полоска на мордочке Коля, протянувшаяся, словно стрелка, от носа до самой макушки, даже родители не смогли бы их отличить друг от друга.

Колки соскребал сухие лишайники с валуна в горсть и растирал их между ладонями.

– Мамаша будет сердиться! – заявил Коль, глядя сквозь растопыренные пальцы на бурлящую воду. – Небось, братцы уже пожаловались и облизывают заработанные предательством банки из-под варенья? Скажи на милость, и куда тебя понесло?

– Если день начинать с варенья, то может не хватить желаний на большее, – заметил Колки и неожиданно сдунул труху от лишайников в мордочку брата.

Коль заморгал, открыл рот, звонко чихнул и толкнул хохотавшего Колки. Тот покатился с валуна и плюхнулся в кусты.

Ветви кустарника затряслись, и среди листьев показалась усыпанная репейниками улыбающаяся мордочка.

– Я нашёл две сливы, – сказал Колки, залезая обратно на камень.

Мелки принялись есть, держа фрукты обеими лапами. Из надкушенной мякоти сочился сладкий сок. Когда со сливами было покончено, мелки спустились к воде и стали ловить брызги Бешенки.

Умывшись, братья поспешили к дому. По дороге Колки сочинял на ходу нерифмованную песенку о весёлых мелках, объевшихся сливами. Коль пытался подсвистывать. У него не очень-то получалось, но это его совершенно не расстраивало.

Завтрак уже близился к концу, когда Коль и Колки появились у террасы. Близнецы Бари и Берки облизывали липкие от варенья пальцы. Мелки бесшумно пробрались к своим стульям и уселись как ни в чем не бывало. Папаша Мелк оторвал взгляд от утренней газеты и, заметив братьев, спросил:

– Куда это вы спозаранку пропали? Берки утверждает, что от вашего крика у него до сих пор кончик хвоста дрожит.

– Ну-ка, Берки, покажи свой хвост! – оживился Коль.

Берки вытащил из-под стола поникший кончик хвоста, отчего-то перепачканный в варенье, слегка потряс им и тут же спрятал.

– Мы сбегали на речку... – ответил Колки. – Вода так бодрит с утра! Умылись и теперь готовы к подвигам!

– Вчера вечером я налила в умывальник свежей воды, чтобы согрелась, – сказала мамаша Мелк. – Могли бы умыться, не рискуя подхватить простуду. Смотрите, братья ваши сделали всё как положено, и день для них начался не так уж плохо! – Мамаша показала на облизывающегося Бари.

– Какое удовольствие умываться тёплой водой, в которой плавают хвоя и мухи? Вон у Бари как раз одна прилипла к носу!

Тот поспешил ощупать нос и погрозил кулаком Колки.

– Ещё раз так пошутишь – откушу тебе хвост! – процедил Бари, обмакивая горячий сырник в блюде с вареньем.

– Какие у вас планы на сегодня? – спросил Берки у братьев. – Кажется, я что-то слышал про подвиги?

– Сегодня мы все будем совершать подвиги, – ответил на это папаша Мелк. – Разве вы забыли, что старушка Гока ждёт нас к обеду? Она грозилась испечь к нашему приходу такой огромный пирог, что придётся вывозить его к столу на телеге! Идут все, и никаких отговорок! Пусть наша семья погибнет от обжорства, но долг мы выполним! Почтовые птички принесли приглашение вместе с утренней почтой. Оно в шкатулке на комод. Только помойте сначала лапы!

Рисунок 1

Колки заёрзал на стуле, разрываясь между двумя желаниями: его тянуло и к сырникам, и к шкатулке. Дожёвывая на ходу, он влетел в дом, схватил с комода приглашение и торопливо развернул конверт. В письме золотистыми буквами было написано: «Жду сегодня к обеду потомков Бесстрашного Мелка». И подпись: «Старушка Гока».

Она всегда писала приглашения на листе бука, сворачивая его в аккуратный конверт. Некому уже вспомнить те времена, когда Гока впервые созвала гостей на огромный пирог. Бойкий звериный народец Приозёрного леса отличается от спокойных и медлительных гоков тем, что быстро рождается, взрослеет, старится и умирает. Старушка Гока живёт уже очень-очень долго и помнит наперечёт всех героев Приозёрного леса. Каждый год она собирает гостей на свой пирог, чтобы напомнить им о подвигах предков...

Глава 2. Старушка Гока и её истории

Давным-давно весь народец Приозёрного леса обитал невообразимо далеко от здешних мест, в другом мире. В тех краях с неба вместо дождя сыпались снежные хлопья, реки покрывались льдом, а ледники спускались с гор до самого подножия. Снежная пелена наступала неумолимо, и печально бы закончилась эта история, если бы старейшина Норк не уговорил голодный замерзающий народец построить корабль. На берегу реки выросла верфь. Закипела работа. Прародители мелков дружно взялись за строительство: они рубили лес, пилили доски, трудились не покладая лап. И вот настал день, когда предки всего звериного народца Приозёрного леса пустились в плавание. Гока – единственный живой свидетель тех времён. Она помнит нескончаемое количество историй, превратившихся за сотню лет в легенды. В некоторых из них Гока даже принимала участие.

Правда, она не очень любит рассказывать о себе. Обычно в середине истории её захлёстывает тоска по ушедшим временам, на глаза наворачиваются слёзы, и оставшаяся часть рассказа тонет во всхлипываниях и вздохах.

Если бы не хорошая память папаши Мелка, его сыновья так никогда и не узнали бы легенду об ужасном пожаре. Это случилось давным-давно, спустя год после того, как закончилось великое плавание. Корабль окружили мостки, он врос в отмель и превратился в город на воде. Часть народца перебралась на берег, но остальным было жалко оставлять уютные, пахнущие приключениями и просмолённым деревом каюты. Малышка Гока жила тогда на самой верхней палубе. Может быть, она жила бы там и сейчас, если бы не случилась катастрофа. Однажды глубокой ночью в трюме треснул масляный светильник. Горящее масло растеклось по столу. Языки пламени взметнулись к потолку. Спустя мгновение коридоры окутал чёрный дым. Корабль наполнился криками. Из окон кают посыпались спасающиеся от огня жители.

Малышка Гока металась по палубе, которая временами скрывалась в языках пламени, и звала на помощь. Испуганные зверюшки бегали около плавающего корабля, тихо поскуливая от страха и беспомощности.

Если бы не Норк Дубосек, никто бы в Приозёрном лесу так и не отведал знаменитого Гокиного пирога и не услышал ни одной её истории. Поочередно вонзая два топора в борт корабля, он смело карабкался вверх. Когда Норк поднялся на мостик, малышка Гока была без сознания. Огонь уже подбирался к бархатной шкурке несчастного зверька. Он обвязал верёвкой малышку, спустил её вниз и следом скользнул сам. Это была самая любимая история Коля и Колки. И каждый раз, когда папаша Мелк её рассказывал, они слушали затаив дыхание.

Сказания старушки Гоки частенько начинались пышной фразой: «Однажды трижды прапрадед Бесстрашного Мелка...» Когда она произносила это, мамаша Мелк закатывала глаза и вполголоса говорила: «Не понимаю, почему, когда Гока рассказывает жуткую историю, в ней всегда участвуют наши предки? Почему разведчики, отставшие от корабля, оказываются мелками? Страшно и представить, что думали их родственники, пока эти непоседы целый год добирались до Приозёрного леса. Явиться домой, когда тебя уже перестали оплакивать... Помоему, это верх невоспитанности».

Коль и Колки совершенно не разделяли её возмущения. Они бы всё отдали за возможность перенестись в те времена. В их воображении герои легенд оживали, и не прадед папаши Мелка изгонял огромного моркла из норы старейшины, а сами они, держа факел перед собой, сжимая острый меч, шли в звенящую темноту...

Старушка Гока, как и все гоки в Приозёрном лесу, была ворчлива, тяжела на подъём, но неотразима в своём добродушии. Её короткая шёрстка слегка серебрилась от седины. Ходила Гока не спеша, по-стариковски, вразвалочку, поочередно переставляя пушистые широкие лапы. Добрая улыбка не покидала её мордочку даже во сне.

Большую часть своей жизни старушка Гока прожила под старой ивой на берегу Великого озера. Ветви древнего дерева опустились до самой земли, образуя шатёр. В солнечный день он наполнялся нежным зелёным светом. Циновка из камыша защищала от сырости. Неподалёку стоял деревянный домик. В нём Гока готовила и укрывалась в холодное время года. Но гостей, а особенно любимое ею семейство мелков с Зелёной горы, она всегда принимала под старой ивой.

Рисунок 2

Солнце едва встало, а старушка Гока уже растапливала плиту и колдовала у неё. Аромат, доносившийся из кухни, мог бы вызвать обморок у впечатлительной зверушки, но никому и в голову не могло прийти беспокоить Гоку в священный миг готовки.

Ближе к полудню начали подходить гости. Взрослые устраивались на траве и обсуждали последние новости. Малышня резвилась у старой ивы. Мелки и вали прыгали по ветвям, пыта-

ясь столкнуть друг друга в воду. Время от времени кто-то с криком падал в озеро, взметая веер брызг. На этом неприятности для упавшего не заканчивались. Не умеющие лазить по деревьям норки не давали никому вылезти на берег и сталкивали неудачников обратно в воду. Наигравшись и изрядно промокнув, Коль и Колки взобрались на верхушку ивы и стали сохнуть на солнце.

– У Гоки всегда весело, – произнёс Колки. – Может, сделаем плот, как в прошлом году? Напишем ещё одно послание и отправим его к горизонту?

– Нам ещё на прошлое не ответили. Да нет там, похоже, никого за горизонтом... – отозвался Коль. – Я вот что подумал. Надо было взять из чулана шкуру моркла, залезть в неё и попугать малышню.

– Ага, Берки с Бари мы уже попугали! Помнишь, они потом неделю свет у кроватей не гасили, а мы два дня в комнате просидели наказанные?!

– Да, представляю, какая бы тут паника поднялась... – мечтательно произнёс Коль. – После такого нас бы точно изгнали из Приозёрного леса.

– Я, кстати, заглядывал недавно в чулан. Ни шкуры, ни меча там не было... – сказал Колки, поворачиваясь к солнцу другим боком. – Похоже, после той истории отец всё отдал старейшине, побоялся, наверное, что мы кому-нибудь ухо отрубим.

Снизу послышался голос старушки Гоки:

– Все к столу! Торопитесь, пока пирог горячий!

Тотчас возникла суэта. Приглашённые рассаживались по своим местам и восторженно водили носами, учуяв запах знаменитого Гокиного пирога.

Когда половина пирога была съедена и наполнились животы самых голодных, солнце уже садилось за горизонт. Сучья, сложенные горой на берегу, вспыхнули, и гости начали перебираться к огню. Пока все рассаживались у костра, Гока разносила горячий глинтвейн. Из кувшинов исходил аромат корицы и пряностей. Не без удовольствия она бурчала себе под нос, что впервые видит таких объевшихся гостей, которые не могут в течение получаса сделать десять шагов. Гока выражала уверенность, что если их ещё и напоить глинтвейном, то половина мелков-обжор лопнет, а другая – не сможет встать в течение недели.

– Вы посмотрите на них! – с деланным возмущением ворчала Гока. – Щёки у норков видны из-за ушей! А вали? О Боже! Я уверена, что они и на стул залезть не смогут, не то что по деревьям прыгать!

Когда гости с тяжёлыми вздохами перебрались к костру, старушка Гока, наконец, сказала:

– Я рада, что вы довольны пирогом, но хочется также угостить вас одной правдивой историей.

Зверушки наострили уши и замолкли. Даже ветер, казалось, стих и перестал шелестеть листьями.

– Я хочу вам рассказать об одном волшебном Мелке... – продолжала Гока. – К сожалению, он не удосужился в своё время обзавестись детьми. Среди вас нет потомков Мудрого Мелка, поэтому-то я до сих пор ничего про него и не рассказывала. До меня дошли сплетни о странных исчезновениях в горах, и на днях я как раз вспомнила подходящую историю.

Взрослые одобрительно закивали и придвинулись поближе к старушке Гоке.

– Ничего не понимаю... – шепнул Коль Колки. – Какие исчезновения? Похоже, родители от нас что-то скрывают.

– Тише! – шикнул на него Колки.

– История началась ещё во времена ваших прадедов в далёком Северном крае. Снежная пелена подступала к нашему селению, и зимой стал выпадать снег, который здесь можно увидеть только в горах. В пещере над селением жил Мудрый Мелк. Был он немного не в себе, так как ни один здравомыслящий зверёк ни за что не поселится в пещере. Мелк этот владел тайнами, от которых у самых смелых шерсть вставала дыбом. Он мог за одну ночь ока-

заться там, куда бежать надо целую неделю, понимал бессловесных зверей и, рассказывали, даже учил их говорить. Мудрый Мелк мог неделями спать и пропадать месяцами в окрестных горах. Когда старейшина Норк призвал всех строить корабль, Мудрый Мелк сказал, что ему не нужен корабль, он слишком ленив, чтобы месяц напролёт махать топором, и достаточно мудр, чтоб плыть всю оставшуюся жизнь. Мелк сказал, что он знает более короткую дорогу и придёт первым к новому дому. Старейшина Норк пожал плечами, ведь он в то время представить не мог, где они бросят якорь. С тех пор мелка не беспокоили и между собой именовали его не иначе как Мелком-зазнайкой. Последний раз мы виделись на пристани. Он подошёл ко мне и сказал: «До встречи через два года сто тридцать три дня. Не проглядите меня, я буду вас ждать». У меня до сих пор перед глазами картина – Мудрый Мелк стоит, прижав уши, и с грустью смотрит на удаляющийся корабль... Многие потом потеряли счёт дням, но я помню, что ровно через два года сто тридцать три дня мы пристали к берегу Приозёрного леса. Вы знаете, у меня хорошая память и, поставив сто тридцать третью зарубку на своём настенном календаре, я вспомнила слова Мудрого Мелка. Находясь на палубе и всматриваясь в медленно проплывающий берег, я вдруг увидела фигурку грустного мелка, стоящего на мысе. Я побежала искать старейшину, но когда нашла его в лабиринтах кают и вытащила на палубу, мы приблизились настолько, что силуэт Мудрого Мелка превратился в причудливое нагромождение камней. Старейшина сказал, что это хороший знак, надо осмотреться, и, если место подходящее, оно станет нашим новым домом. Все закричали «Ура!» Под всеобщее ликование мы бросили якорь. Лес вплотную подходил к берегу, и я предвкушала, что вот-вот из-за деревьев появится Мудрый Мелк, но никого не было. Не дожидаясь пока спустят шлюпку, я прыгнула в воду, доплыла до узкого галечного пляжа и побежала на мыс. Чем ближе я к нему приближалась, тем становилось очевиднее, что каменной россыпи кто-то явно пытался придать форму зверька. Местами камни осыпались, но хвост и мордочка замечательно сохранились. От мыса уходила в глубь чащи скрытая в густой траве тропинка. Весь народец к тому времени высыпал на лужайку, покрытую цветами, катался по траве и радовался вновь обрётённому дому. Не обращая на них внимания, я брела по еле заметной дорожке. Несколько раз она терялась в листве, приходилось останавливаться и возвращаться назад. Спустя некоторое время тропка вывела меня к домику, настолько скрытому мхом и кустарником, что я не сразу признала в нём избушку, какие обычно строят мелки. Дверь рассохлась, и пришлось постараться, чтобы её открыть. Сквозь пол пробивалась трава. Дом, видимо, пустовал уже много лет. На постели лежали проникшие сквозь дыру в крыше жёлтые листья, стулья растрескались и искривились. На столе стояла деревянная миска, на дне которой, я не могла в это поверить, было написано «Приятного аппетита, Мудрый Мелк!». Он жил здесь задолго до моего прихода, а может, даже и до отплытия нашего корабля. Было невозможно поверить в то, что всемогущая природа доверила свои тайны обычному, хоть и немного странному мелку. Как он оказался здесь раньше нас? Почему не дождался? Куда исчез? Я годами мучилась этими вопросами, но не приблизилась к ответу ни на шаг. Мудрый Мелк до конца остался верен себе и не оставил ни одной ниточки к разгадке своих тайн.

– А какая связь между Мудрым Мелком и исчезновениями в горах? – спросил кто-то из взрослых.

– А такая! Тропа вела дальше, и я пошла по ней, забираясь вверх по склону. Чем выше поднималась, тем явственней она становилась. Я дошла до Глухого ущелья и собиралась уже идти дальше, когда заметила, как что-то крупное метнулось между камнями и затаилось за валуном у входа в ущелье. Мне стало страшно, и я изо всех сил побежала к кораблю. Думаю, что эта история как-то связана с пропажей наших косок и старика Болки. Ведь Болки был пастух, а косочки любят пастись на склонах у Глухого ущелья.

Взрослые задумчиво чесали пушистые бороды, у кого они были, мелюзга притихла и испуганно оглядывалась. Ветер зашелестел листьями старой ивы, и многим послышался чей-то вздох.

– Умеешь ты, Гока, страху нагнать... – нарушил тишину папаша Мелк. – Дети теперь до утра не успокоятся.

Колки толкнул Коля, они стремглав вскарабкались на старую иву и спрятались в ветвях от посторонних глаз.

– Я, кажется, знаю, где это Глухое ущелье... – прошептал Коль и обернулся посмотреть, не подслушивает ли их кто-нибудь. – Оно выходит к тому месту, где пасутся косочки. Помнишь отрог, торчащий над лугом? От него пилой поднимается гребень к Громадным горам. По-моему, за этой скалой и есть вход в Глухое ущелье. Пойдём завтра?

– Может, сначала поищем избушку? – предложил Колки.

Он не любил горы. Ему не нравилось, когда камни колют лапы и холодный ветер выдувает вместе с теплом запах дома и безопасности. Среди вершин-великанов он ощущал себя ничтожной букашкой, и озноб пробегал по его спине до кончика хвоста.

– Если ещё при малышке Гоке избушка была полуразрушенная, то сейчас от неё даже следа не осталось. Гока очень-очень старая.

– Колки! Коль! Где вы? – раздался звонкий голос мамыши Мелк. – Мы уходим. Или вы хотите остаться помочь Гоке вымыть грязную посуду за всеми её гостями?

Мелки слетели с дерева, подбежали к старушке Гоке, чмокнули её в седую мордочку и дунули во весь опор за родителями, напрасно опасаясь, что Гока воспримет всерьёз мамину угрозу насчёт мытья посуды. Она давно уже завела мышек-чистюль, которые вылизывали всю посуду до зеркального блеска.

Глава 3. В поисках приключений

Коль долго ворочался в кровати, думая о Глухом ущелье и о том, как бы не пропасть в нём вслед за косочками и стариком Болки. Наконец навалилась дремота. Во сне он видел стены, смыкающиеся в бесконечной выси над головой, а в полумраке за камнями кто-то прятался. Коль продолжал идти вперёд и, по мере того как камни приближались, ему становилось всё страшнее. Когда страх стал невыносимым, он понял, что спит, и сразу проснулся.

Солнце уже готовилось ворваться в окна. Тревожное ощущение быстро растворилось вместе с остатками сна. Утро обещало быть ясным.

Коль толкнул Колки и сказал:

– Важное дело нельзя откладывать – можно не успеть.

Когда они спустились на террасу, папаша Мелк читал свежие новости, главной из которых была вчерашняя вечеринка у старушки Гоки. Мамаша орудовала у плиты, откуда восхитительно пахло блинами.

– Мама, мы хотим сегодня отправиться в поход к устью Бешенки, – соврал Колки, – посмотреть, не обвалился ли ещё старый мост.

– Только не прыгайте по нему, прошу вас! – сказал папаша Мелк. – Рухнувший мост мы ещё переживём, но только не двоих утонувших под обломками бестолковых мелков.

– Нет, папа, мы даже переходить по нему не будем, а не то что прыгать... – сказал правду на этот раз Колки.

Папа с сомнением покачал головой.

– Хотите захватить завтрак с собой? – угадала их мысли мамаша Мелк. – Возьмите рюкзаки. Я соберу вам поесть в дорогу.

Мелки бесшумно прошмыгнули мимо спальни, стараясь не разбудить братьев, схватили рюкзаки и выбежали на улицу. Мама уже разложила на столе блины, завёрнутые в листья, и пару берестяных фляжек – одну – с вареньем, другую – с вишнёвым соком.

Спустя полчаса мелки уже свернули с тропы, петляющей вдоль Бешенки, и пошли по выстилающему сосновый бор мягкому мху к пастбищам. Вскоре они вышли на тропку, изрытую косочьими копытцами, и, тяжело дыша, стали подниматься вверх. Лес постепенно редел, становился ниже. Сквозь кроны проступали облака и голубое небо. Через три часа мелки остановились отдохнуть и подкрепиться. С площадки открывался ошеломляющий вид. Море деревьев спускалось с гор и упиралось в изрезанный берег. Дальше за горизонт уходила синяя гладь Великого озера.

Выше, над завтракающими мелками, зеленели изумрудные луга с белыми крапинками пасущихся косочек.

– Красиво! – восторженно проговорил Коль. – Эх, были бы у нас крылья! Сейчас полетели б над всей этой красотой. Представляешь, мы бы были первыми летающими мелками.

– Интересно, почему из звериного народца никто не умеет летать, а летающих бессловесных – пруд пруди? – задумчиво произнёс Колки, не переставая жевать.

– Народец умный и говорящий, оттого что пальцы имеет... – сказал Коль. – Крылья и пальцы – вещи несовместимые. Да и головы у нас умные, тяжёлые. Попробуй взлети с такой.

– Большая – не значит, тяжёлая, – ответил Колки и постучал по пустой фляжке из-под варенья.

Мелки расхохотались и поделили последний блин...

Тропа, петляя, поднималась всё выше и вскоре вышла на лужайку, аккуратно подстриженную острыми косочьими зубками. Прямо из зелёного бархата травы торчала заострённая скала. Выше она переходила в острый гребень, накрывавший тенью Глухое ущелье. Из глубины гор веяло холодом. Пугая робких косочек, мелки подошли к границе света и тени, постояли с минуту в нерешительности и стали подниматься вверх по ущелью. Его стены становились всё круче. Пучки травы теперь только изредка пробивались сквозь каменистые россыпи.

– Если я сейчас крикну «Колки – балбес!», – сказал Коль, – скалы будут перебрасывать слово «балбес», пока не донесут его до самой высокой горы.

– А если я стукну тебя по лбу, звук услышит мама и скажет папе: «Дорогой, слышал гул? Прямо как у Коля в голове».

Мелки рассмеялись, и им стало веселей идти. Крутизна подъёма увеличилась. Порой братьям приходилось взбираться на уступы и лезть по скалам. Зверьки пыхтели, поднимаясь всё ближе к нависающим облакам. Стало прохладно. Местами в расщелинах попадались спрятавшиеся от жаркого лета снежники. Усталые мелки продолжали карабкаться вверх, и в головах их пролетали тревожные мысли о долгом возвращении домой. Внезапно стены ущелья разошлись, перед глазами открылась ровная, как стол, песчаная пустошь. Когда-то давным-давно здесь, видимо, было озеро, на песке отпечатались следы, какие волны оставляют на песчаном дне. Посередине стоял каменный дом. Крыша его давно просела и обвалилась. Изъеденные временем остатки двери валялись у проёма. От дома веяло запустением.

Глаза у мелков засветились от восторга.

– Мы нашли его, дом Мудрого Мелка! – закричал Колки и подкинул вверх горсть песка. – Смотри! Он даже похож на наш домик!

– Кругленький и аккуратненький. Только мелки умеют делать такие, – подхватил Коль. Братья издали боевой клич и побежали к дому. На середине пути Коль внезапно остановился и схватил Колки за лапу.

– Ты видишь? – спросил он. – Похоже на следы!

Коль ткнул пальцем. Еле заметный след, зализанный ветром, тянулся к домику.

– Обратного нет! Либо кто-то ушёл по своим следам, либо там кто-то есть! – прошептал Колки и почувствовал, как озноб пробежал по его хвосту.

– Болки! – воскликнули они вместе и переглянулись.

Братья осторожно подошли к дверному проёму и заглянули внутрь. Там было пусто. В коридор намело песку, на котором отчётливо отпечатались лапы Болки. Братья быстро обшарили комнату и нашли в углу лаз с лестницей, ведущей в подпол. Они спустились вниз и замерли. Тусклый свет освещал искрящиеся серебряным блеском стены. Маленькие кристаллы покрывали всю комнату в подвале целиком, включая покосившийся стол и узкие стеллажи. Возникло странное ощущение, и Колки не сразу понял, почему его чуткий нос не чувствовал никаких запахов.

Коль испугано шепнул:

– Ты видишь? Комната меняется.

И действительно, кристаллы становились ярче. Сначала мелкам показалось, что это глаза привыкают к сумраку, но постепенно в комнате стало светло как днём. Блёстки качнулись, сорвались со стен, с потолка и светящейся вьюгой окутали замерших, не в силах двинуться с места зверьков.

Последнее, что увидел Коль, – это испуганные глаза Колки и вихрь из мириад искр. Он чувствовал, как ветер разбирает его на мельчайшие частицы и несёт куда-то вдаль с невероятной скоростью. Как будто издалека до него доносился грустный, еле различимый голос:

Качнутся стены – ты уйдёшь

Туда, откуда нет возврата.

И в темноте – густой, как вата,

Своих следов ты не найдёшь...

Глава 4. Пещерный страж

«Какие странные стихи...» – подумал Коль и открыл глаза. Ничего не изменилось. Вокруг была абсолютная темнота. Он лежал на ледяном каменном полу. В тишине неестественно громким казался звук падающих капель.

– Колки... – шёпотом позвал братца Коль, пытаясь нащупать стены пещеры. – Колки-и-и... Ты здесь?

Он ползал по влажным камням, пока не наткнулся на что-то мягкое. Колки очнулся от прикосновения, вздрогнул и почувствовав, что это Коль крепко сжал его лапу.

– Где мы? – спросил Колки.

Он сидел, открывая и закрывая глаза, и не ощущал никакой разницы. Откуда-то сверху раздались скрежет когтей и еле слышное шипение.

– Тут кто-то есть... – прошептал Коль.

Трясушимися от страха лапами Колки стал изо всех сил тереть свой живот. От шерсти взметнулись всполохи искр, выхватив из темноты серые стены пещеры. Кто-то огромный метнулся по потолку и скрылся в чёрной нише. Мелки успели заметить только чешуйчатый хвост. Из черноты раздался шипящий крик:

– Перес-станьте! Или я откуш-шу ваш-ши мерзкие лапчонки.

Оцепеневшие от ужаса, мелки замерли, и пещера снова погрузилась во мрак.

– Это моркл... – еле слышно сказал Коль. – Всё, мы пропали!

Мелки сидели, прижавшись друг к другу, боясь пошевелиться.

– Хм... Что я вижу? Глупые зверюш-шки зачас-стили ходить тропой мудрых... – шипение прерывалось сглатывающими звуками.

Моркл явно был голоден.

– С-начала – бес-словесные кос-сочки – прос-сто лакомс-ство... Потом – с-старикаш-шка – зануда, вс-сё дорогу с-спраш-шивал да хотел выйти. Жёс-сткий и невкус-сний с-старикаш-шка. А теперь ещ-щё зверьки – пуш-шис-стые, вкус-сные... И как мы называемс-ся?

– Мелки. Мы ядовитые. Откусишь от нас и сразу сдохнешь! – ответил Колки, слегка осмелев. У него появилась надежда, что с говорящим монстром удастся договориться.

– Вы мелки? – разочарованно прошипел моркл.

Звук шуршания чешуи стал ближе. Он полз вокруг зверьков, видимо, разглядывая их со всех сторон.

Мелки крутили головами, тщетно пытаясь увидеть хоть что-нибудь.

– Дейс-ствительно, мелки. Вас-с ес-сть нельзя. Жалос-сть какая! Но можно поговорить. Тот с-старикаш-шка, Болки, был из Приозёрного лес-са. Вы тоже оттуда? Рас-скажите, как вы наш-шли путь?

Шипение стихло. Видимо, моркл приготовился слушать.

– Мы нашли дом Мудрого Мелка, спустились в погреб, всё завертелось, и мы очутились здесь... – сказал Коль.

– Вы наш-шли дом Хозяина? Он вам понравилс-ся? Крас-сивый дом. Мы вмес-сте его с-строили. Много лет назад. Я тогда только училс-ся говорить. Хозяин был мудр – Мудрый Мелк. Это он открыл волшебный путь, по которому мы переносились за тысячи верст и обратно много раз. Это было очень давно. Сначала пропал Хозяин, а теперь и его магия теряет силу. Обратно уже не вернуться, и вы навсегда останетесь здесь...

Рисунок 3

Моркл приблизился настолько близко, что мелки чувствовали его прерывистое дыхание.

– Нас-с было двое – с-стражей... – продолжал он. – В том доме тоже жил моркл. Мы охраняли вход. Я с-с этой, а он с-с той с-стороны. Вы видели моркла?

– Там уже давно никто не живёт, крыша провалилась, и песку намело... Но как-то раз в нору к старейшине пробрался один моркл. И наш дед отрубил ему ухо... Ой! – вскрикнул Колки, потому что Коль больно ущипнул его за бок.

– Отрубил ухо! – шипение стало громким и угрожающим. – С-сделал больно? С-съел?

– Нет! Что ты! Просто отрубил ухо и отпустил... – попытался выкрутиться Коль.

– С-сомневаюсь. Гадкие зерюш-шки убили моркла!

– Ну, нам пора... – сказал Коль и начал ощупывать пол в поисках рюкзаков – своего и брата.

– С-спеш-шите? Торопитес-сь? Отс-сюда нельзя выйти!

– Но ты же сам сказал, что охраняешь вход. Значит, сюда можно войти, а следовательно, и выйти.

– Коварные, мерзкие зверюш-шки. Откуш-шу вам хвос-сты и уш-шки.

– Так. Где тут выход? – спросил Колки.

– Нет выхода! Вы ос-станетес-сь здес-сь. Надо поговорить.

– Он наверняка стоит у выхода и загораживает его собой... – прошептал Коль.

Братья взялись за руки и пошли на голос.

– Мне грус-стно здес-сь одному. Мудрый Мелк много разговаривал с-со мной, рас-ска-зывал. Ос-станьтесь ненадолго, на год или два. Наговоримс-ся... – в шипении слышались жалобные ноты.

– Ну уж нет. С Болки ты уже поговорил! – решительно заявил Коль.

– С-с Болки... Ах, с-старикаш-шка. Плохо рас-сказывал... – Моркл был прямо перед ними.

Коль почесал живот, искры осветили усеянную зубами пасть моркла и жёлтые змеиные глаза. Ящер угрожающе зашипел, отворачивая голову, но с места не сдвинулся. За его спиной угадывался проход. Зверьки яростно зачесались обеими лапами. По шкуркам побежали яркие электрические искры. Пещера осветилась, и мелки увидели причудливые очертания наростов на потолке. Стены искрились каплями влаги.

Моркл метнулся в угол и злобно прошипел:

– Уходите! Только перес-станьте с-светить! Мерзкие, злые мелки...

Братья побежали по проходу. Ход был узкий, так что они шли, касаясь лапами стен с двух сторон. Злобное шипение моркла становилось всё тише и вскоре стихло.

– Нет, это невероятно... – бубнил Коль, пробираясь по пещере. – Мы перенеслись за тысячи вёрст. Встретили моркла, которого сто лет назад учил говорить Мудрый Мелк. Чудом от него сбежали! У меня сейчас башка треснет от всего этого! Эй, Колки, ты что-нибудь, вообще, понимаешь?

– Разве это имеет сейчас какое-нибудь значение? – донёсся из темноты голос Колки. – Одно очевидно, что обратно перенестись нельзя, из этой пещеры есть только один выход. И мы к нему идём.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем братья почувствовали порыв свежего воздуха и увидели сероватый свет. Выйдя из пещеры, мелки оказались на склоне горы. Её вершина скрывалась в облаках. Ослепительной белизны снег резал отвыкшие от дневного света глаза. Лес начинался сразу от подножия гор и простирался вдаль сколько хватало взгляда.

– Мы пропали... – обречённо сказал Колки и сел в снег.

Коль тяжело вздохнул и присоединился к нему. Они сидели, прижавшись друг к другу. Ветер пробирал до самых костей. Всё вокруг было чужое, и, казалось, что в этом мире нет места для маленьких пушистых зверьков. Холод злее и беспощаднее морклов, ему нет дела до

того, мелк ты или бессловесный зверёк, ему ни до чего нет дела, он – холод, и разговаривать ему с тобой не о чем.

– Я как-то по-другому представлял себе впечатления от открытия древних тайн. Снежная пелена в историях казалась совсем не такой снежной. Неужели здесь жили наши прадедушки? – нарушил молчание Колки. – Они рассказывали о том, что здесь холодно, но не про то, что здесь люта стужа.

– Наверно, стало ещё холодней... – произнёс Коль, перебирая пальцами рассыпчатый снег. – Надо идти!

– Куда? – спросил Колки.

– Не знаю... – ответил Коль. – Но если мы замёрзнем здесь, это будет не самый хороший конец нашей истории. Пойдём вниз! Там должно быть селение наших прародственников. Не могло же всё исчезнуть!

– Почему нет? Всё могло завалить снегом, ведь столько лет прошло... – предположил Колки.

– Если так думать, то, пожалуй, стоит вернуться к морклу и рассказывать ему сказочки до старости. Пойдём! – Коль встал и пошёл вниз по склону, оставляя за собой цепочку глубоких следов.

Мелки спускались, барахтаясь в снегу. Через некоторое время ветер стих, потеплело. Снег больше не колосся, стал мокрым. Снежными шариками он нарастал на их шерстке. Выйдя на перегиб, братья увидели деревушку в несколько десятков домов с островерхими крышами. Из труб уютно поднимался сизый дым и узким слоем растекался по долине. Увязая в снегу, промокшие насквозь мелки стали спускаться к деревне...

Глава 5. Незваные гости

Лохматый меврь, раздражённо гремел посудой, выискивая ложку. Мокрая шерсть его топорицилась и впитывала тепло комнаты, отдавая уличный холод. Тисовый лук размером больше самого высокого мелка был прислонён к стене у порога. Сумеречный свет, проникающий в окно снаружи, слабо освещал грубо сколоченную мебель, огромную, полдома занимающую печь и весь немногочисленный скарб, аккуратно развешанный по стенам.

– За целый день – ни одной мыши! Моркл подери всех этих волков – кого не съели, тех распугали... – глухо ворчал меврь. – Скоро уже на траву перейти придётся. Буду пастись, как последняя косочка.

Он хмыкнул, видно, представив грузного лохматого мевря, щиплющего травку.

На печи весело бурлила похлёбка, в ней перекачивались картофелины... Близился вечер, смеркалось, но зоркие глаза мевря сразу заметили кончики ушек в окне...

Мелки, распираемые любопытством, как раз собирались заглянуть внутрь дома, как вдруг окно с шумом распахнулось, и тут же две огромные мохнатые лапы схватили их за уши.

– А вот и ужин! – радостно взревел меврь, втаскивая мелков в комнату. Будет сегодня зайчатинка в моей похлёбке.

Мелки отчаянно вырывались и царапались, пытаясь освободиться от железной хватки.

– Мы не зайцы, а мелки! – пытаясь от напряжения, возмутился Колки.

– Отпусти нас, толстый! – закричал Коль.

Меврь был пожилой, и удивить его было трудно, но, как оказалось, возможно.

– Зайцы говорящие... – удивился меврь. – Да ещё и с хвостами, как у белки.

– Мы не зайцы! – закричали братья.

Они уже выдохлись, но всё равно продолжали вяло трепыхаться.

Меврь застыл в нерешительности. В распахнутое окно дул пронзительный холодный ветер, в то же время лапы его были заняты зверьками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.